
DOI 10.15826/QR.2016.1.140

УДК 94(47)"13"+28+271.2+316.647

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ИВАНА ГРОЗНОГО:
ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ**

Максим Моисеев

Музейное объединение «Музей Москвы»
Москва, Россия

**THE MUSLIM POLICY OF THE RUSSIAN STATE UNDER
IVAN THE TERRIBLE: CONTROVERSIAL ASPECTS***

Maksim Moiseev

Museum Complex "Museum of Moscow"
Moscow, Russia

The article studies the history of interaction between Orthodox Christians belonging to the Russian state and Muslims. The available data demonstrate that, as early as the 14th century, Muslims started living in a number of Russian cities. With the collapse of the Golden Horde and the confrontation between its successor states, the influx of migrants to the Russian lands was constantly growing. The conquest of the Kazan and Astrakhan khanates in the 16th century and then Siberia completely changed the ethnic and religious composition of the region. One state united Russians, Tatars, and various Finno-Ugric peoples: now under its aegis were both Orthodox Christians and Muslims. This influenced state ideology and policy. To study the aforementioned issue, historians have referred to a multitude of documentary and narrative sources. However, non-Russian scholars have focused on ambassadorial books which mention interaction between Christians and Muslims. The author maintains that these sources may prove very useful. First, referring to these books, the author reveals the specificities of the relations between the native Muslim

* *Citation:* Moiseev, M. V. (2016). The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.

Цитирование: Moiseev M. V. The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140 / Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.

population and the outside Russian administration in conquered Astrakhan. Secondly, the author traces the routes of voluntary and forced migrants and the elite of the Nogai Horde into Russia. The author describes the details of Christian-Muslim relations and argues that the Kazan war was not a “crusade”. The resettlement of part of the Kazan nobility to Novgorod did not automatically mean their conversion to Christianity. After the conquest of Astrakhan, its government was a diarchy consisting of the military administration and the local elites. Siberian archival materials provide no information about policies of intentionally converting the conquered population to Christianity. The analysis of ambassadorial books proves that Tatar prisoners were christened irregularly. Hence, the author concludes that the Russian state under Ivan the Terrible was rather indifferent to its residents’ religious views. The epoch in question can be characterised by the absence of a policy of converting the Muslim population to Christianity *en masse*. It was only the misbalance between religious freedom and state security that led to the repression and conversion of part of the Muslim population.

Keywords: eastern policy of the Russian state; 16th century; conversion to Christianity; Islam; Orthodox Christianity; tolerance; Christian-Muslim interaction.

Исследование посвящено истории взаимодействия православных христиан Русского государства и мусульман. Существующие данные позволяют говорить о том, что уже в XIV в. мусульмане начинают проживать непосредственно в ряде русских городов. С распадом Золотой Орды и углублением борьбы между ее государствами-наследниками поток эмигрантов в русские земли увеличивался. Завоевание в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств, а позднее Сибири в корне изменило этническую и религиозную ситуацию. В рамках одной страны были объединены русские, татары, представители различных финно-угорских народов и верующие двух мировых религий – христианства и ислама. Это должно было повлиять на государственную идеологию и практику. Для изучения обозначенной проблемы историки привлекали многочисленные документальные и нарративные источники. Однако за границей внимания оставались посольские книги, где сосредоточена информация по христианско-мусульманскому взаимодействию. По мнению автора, данный вид источников представляется весьма перспективным. На основании этих книг, во-первых, выявляются особенности взаимоотношений коренного мусульманского населения с пришлой русской администрацией на территории покоренной Астрахани, во-вторых, прослеживаются потоки добровольной и насильственной миграции населения и элиты Ногайской Орды в Россию. Автор раскрывает своеобразие христианско-исламских отношений, обращаясь к характеру Казанской войны, которая не имела «крестоносного» характера. Переселение части казанской знати в Новгородчину не повлекло за собой обязательной ее христианизации.

* The images published in this article are provided courtesy of Shchusev State Museum of Architecture (MUAR) and OMA respectively.

В покоренной Астрахани, по сути, образовался режим двоевластия: наряду с воеводской администрацией, в управлении городом принимала участие местная знать. Сибирские материалы тоже не дают оснований говорить о целенаправленной политике христианизации покоренного населения. Анализ данных посольских книг позволяет сказать, что случаи крещения пленных татар оставались единичными. Все это позволило автору сделать выводы, что русская государственная практика периода правления Ивана Грозного была достаточно индифферентна к вероисповедованию своих подданных. Для изучаемого времени не характерна целенаправленная политика христианизации мусульманского населения. И только нарушение баланса религиозной свободы и государственной безопасности приводило к репрессиям и крещению части мусульманского населения.

Ключевые слова: восточная политика Русского государства, XVI в., крещение, ислам, православие, толерантность, христианско-исламское взаимодействие.

Проблема взаимоотношений различных религий, носители которых были объединены в единое государственное пространство, уже давно привлекает внимание историков. Все чаще исследователи рассматривают связь миссионерства с государственной политикой по созданию новой идентичности [Волкова, 2013а, с. 39–50; Волкова, 2013б, с. 57–65]. Естественно, особое внимание уделяется взаимоотношениям ислама и христианства [Варьяш; Ключева; Макаров; Рязанова, с. 16–23; Ткалич, с. 14–22]. В последнее время исследователи разрабатывают очень интересное направление «горизонтальных» связей между христианами и мусульманами. Выявленные факты позволяют оспорить традиционную точку зрения об агрессивной христианизации или, наоборот, мусульманизации покоренных народов [Беляков, 2011б, с. 107–115; Главацкая, 2003, с. 26–35; Главацкая, 2004, с. 75–83; Зайцев, 2003, с. 58–77; Конев, с. 101–107; Шукуров, 1995, с. 68–103; Шукуров, 1999, с. 194–234; Шукуров, 2001; Шукуров, 2005, с. 214–233; Шукуров, 2013, с. 30–34]. В целом же на данный момент накоплено уже достаточное количество данных для того, чтобы перейти к рассмотрению проблемы христианско-мусульманского взаимодействия в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. В предлагаемой работе пойдет речь о времени Ивана Грозного, и вот почему.

Включение в состав Русского государства в середине XVI столетия Казанского и Астраханского ханств коренным образом изменило этническую и конфессиональную карту царства. Впрочем, не будем забывать, что мусульмане на территории Центральной России никогда не были явлением экзотичным. Уже во времена господства Золотой Орды мусульмане проживали в русских землях небольшими группами. К XIV в. относятся образование «ксений» мусульман в Москве и Нижнем Новгороде [Асадулин; Чулошников, с. 62].

Уже на рубеже XIV–XV столетий в Москве, по всей видимости, существовала татарская диаспора. В 2007 г. московские археологи обнаружили берестяную грамоту, представляющую собой опись имущества некоего татарина Турабея [Гиппиус, Зализняк, Коваль, с. 452–455]. Сохранились сведения и о татарском землевладении в окрестностях Москвы. С распадом Орды процесс эмиграции в северо-восточную Русь только усилился. Образовалось так называемое «Касимовское царство» [подробнее см.: Беляков, 2011а; Рахимзянов], но с середины XVI в. это явление становится крайне активным, и охватывает оно уже не только группы элиты, но и более низкие социальные страты.

Источники формирования мусульманской диаспоры вполне традиционны и уже неоднократно упоминались в историографии. Это плен, ссылка, добровольный отъезд. И все-таки до середины XVI в. совместное проживание мусульманского и православного населения в Московской Руси имело ограниченный характер, казанское же и астраханское «взятия» перевели ситуацию в кардинально новую плоскость. В это же время начался глубокий политический и экономический кризис в некогда мощной степной Ногайской Орде [Трепавлов, 2002, с. 270–311]. Все это привело к значительным миграциям мусульман, а в итоге – и к заметному увеличению их числа на коренных русских землях. В связи с этим закономерен вопрос о том, как сосуществовали мусульмане и христиане и нашло ли это отражение в исторических источниках.

Предложенную проблему можно исследовать на довольно широком круге источников. Это писцовые и разрядные книги, актовый материал, литературное наследие церковных деятелей, князя А. М. Курбского и царя Ивана Грозного; весьма важное значение имеют и дипломатические материалы. В первый существенный блок информации посольских книг по интересующему нас спектру вопросов можно выделить группу данных о сосуществовании коренного мусульманского населения с пришлой русской администрацией на территории покоренной Астрахани. Вторым заметным массивом является информация по выездам и ссылкам ногайских мирз в Россию. Третьим – отъезд и плен различных групп из Ногайской Орды в Россию. Рассмотрим некоторые из этих сюжетов через призму проблемы отношений мусульман с православными.

В середине XVI столетия одной из наиболее важных удач Русского государства в восточной политике стала победа в «Казанской войне». В историографии это противостояние довольно часто рассматривают как некое цивилизационное столкновение, придавая ему крестonosный характер. Объясняется это тем, что, по мнению ряда историков, ведущая роль в обосновании правомерности завоевания Казанского ханства отводится церковным книжникам – «осифлянам» круга митрополита Макария [Зимин, с. 71, 75–76, 78]. Инициативой митрополита Макария объяснял казанские походы Г. Хаттенбах в специальном разделе коллективной монографии «Российская колониальная

экспансия до 1917 г.» [Huttenbach, p. 58]. Так, А. И. Филюшкин даже пишет о «доктрине Макария» применительно к внешнеполитической доктрине Русского государства середины XVI в. Однако анализ конкретных текстов заставляет осторожно относиться к этой гипотезе. В своем широко известном послании в Свияжск митрополит упоминает слово «Казань» (и производные от него) всего лишь пять раз, тогда как само послание насчитывает 1670 слов. Для Макария характерно подчеркивание бескровности взятия Казани в 1551 г., не допускает он и негативных коннотаций по отношению к исламской идентичности казанцев. Более всего святителя волновала нравственная и религиозная чистота русского гарнизона в недавно построенной крепости, а вовсе не идея обращения мусульман в христианство [ПСРЛ, т. 13, с. 180–183]. По сути, перед нами типичное «учительское послание», и ничего более! Важно, что и последующее послание митрополита, отправленное царю во время казанского похода 1552 г., тоже не выходит за рамки церковной традиции духовного укрепления на брань [Макарий, с. 69]. В этом произведении Макарий несколько усиливает антиказанскую риторику. Так, казанцы уже «безбожные», «изменники и отступники» [ПСРЛ, т. 13, с. 193]. Однако и здесь Казань, казанцы, «поганые языки» суть редкие констатации, конкретизирующие наставление. Получается, что идеолог «казанской войны» Макарий обосновывает ее *post factum*. Он шлет «учительное послание» в Свияжск в 1551 г. после капитуляции Казани и наставляет царя в момент похода на столицу мятежного ханства в 1552 г. Еще больше вопросов возникает при рассмотрении «казанской переписки» царя и митрополита в свете «Отрывка русской летописи». В. В. Шапошник, подробно изучавший этот сюжет, пришел к следующим заключениям. Данные «Отрывка русской летописи» о переписке более достоверны, чем помещенные в Летописце начала царствования, и важно, что при известии о походе крымского хана (отраженного под Тулой) митрополит призывал царя вернуться в Москву [Шапошник, с. 214–223]. Итак, можно с определенной осторожностью сказать, что роль митрополита Макария в обосновании «казанского взятия» и придании ему крестоносного характера сильно преувеличена. Анализ казанских произведений архиепископа Нифонта также не подтверждает гипотезы об особой роли «осифлян» в разработке казанской политики Москвы [Кунцевич, с. 26–29]. Напротив, они скорее создавали тексты, посвященные конструированию пространства идеального православного Московского царства – идеи «Святорусского царства», «Святой Руси» – концепта абсолютно книжного, не имевшего в то время реального политического воплощения.

Еще более серьезные сомнения в антиисламском характере восточной политики Ивана Грозного появляются в ходе рассмотрения разнообразных данных о непосредственном ходе Казанской войны. Так, в Казанской войне активное участие на стороне русских принимали татары, и не только касимовские, но и казанские. После репрессий 1546 г.,

устроенных в Казани ханом Сафа-Гиреем, в Россию эмигрировала заметная часть казанской аристократии. Смерть хана весной 1549 г. спровоцировала очередной виток борьбы внутри казанской знати, что снова привело к бегству проигравших в сопредельные страны. Постепенно все недовольные установившимся режимом в Казани перебрались в Москву. Во главе казанской эмиграции с 1548 г. был Табай-бек, с 1551 г. казанскую диаспору возглавил Хосров-бек. Роль казанских эмигрантов в этой войне, вероятно, была немалой. Официальная летопись зарегистрировала наиболее важные моменты этого противостояния. Так, именно Хосров входил в число советников, советовавших строить будущий Свияжск на Круглой горе на устье Свияги. Он же входил в число сопровождающих Сююн-бике с сыном на пути из Свияжска в Москву, куда они прибыли 5 сентября 1551 г. Собственно, и мятеж марта 1552 г. спровоцировали те казанские беки и мирзы, что служили царю Ивану Грозному, заявив населению Казани: «...дополна ведают всем быти побитым, а слышали, сказывают, от городецких татар, и иные говорят, и от самого Шигаля» [ПСРЛ, т. 13, с. 176]. Многие казанские аристократы мятеж не поддержали и остались в русском Свияжске. Худайкул-оглан и Бурнаш-бек пытались успокоить горожан и убедить их в безопасности, но все оказалось безуспешно. После этого аристократов перевели в Свияжск, где они находились под наблюдением. Измена одних беков и мирз спровоцировала недоверие к другим [Моисеев, 2006, с. 498–499; Моисеев, 2013а, с. 27–28; Моисеев, 2013б, с. 43–46]. 21 или 22 августа 1552 г. на сторону царя Ивана IV Васильевича перешел Камай-мирза, сын казанского бека Хусейна. Вместе с Камаем приехали семь воинов. Всего же, по их рассказам, было около 200 человек, желавших покинуть мятежную Казань, однако, узнав об этом, казанцы большую их часть «переимали». Камай был в числе перебежчиков и пленников, которые указали осаждавшим на тайный источник воды [ПСРЛ, т. 13, с. 202, 209]. Привлекает внимание тот факт, что активным участником казанской осады 1552 г. был касимовский сейид Ак-сейид Черевсеев [Там же с. 199, 210]. Это обстоятельство тем интереснее, что *сейиды* – люди, чья родословная восходит к Пророку. В мусульманском мире они считались главными представителями религиозных идей, имели право безнаказанно говорить монархам правду, обличать их в несправедном поведении, не подлежали смертной казни [Трепавлов, 2002, с. 570; Исхаков]. Следовательно, сложно представить, что столь разные представители мусульманского мира могли бы поддержать саму идею крестоносного похода. Сомнительно, что касимовский сейид Ак Черевсеев, возглавлявший касимовских мусульман, не заметил антиисламских целей казанского похода (о касимовских сейидах см.: [Исхаков, с. 104–114]). Очевидно, что для большинства участников Казанской войны это была «простая» «рутинная» борьба государств за превосходство в регионе, и говорить о крестоносном характере покорения Казани не приходится. Но насколько общим было это мнение и какую позицию занимал юный царь по вопросу христианско-исламских отношений?

Ответить на этот вопрос нам позволяют переписка царя Ивана Грозного с князем А. М. Курбским и «История о князя великого московского делех», написанная знатным эмигрантом. Иван Васильевич, отвечая на первое послание беглого князя, писал следующее: «Егда же Алексеева и ваша сабацкая власть преста, тогда и та царствия нашему государству во всем послушны учинишася, и множае треюдесять тысяч бранных исходит в помощь православию» [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 37]. Итак, венценосный автор указывает на наличие определенного конфликта внутри русской правящей элиты по отношению к покоренным мусульманам. В чем он заключался, становится ясно из сочинения князя А. М. Курбского. Описывая совет о политике в покоренном крае, автор отмечает, что на нем было высказано несколько точек зрения. Некие «мудрые и разумные» предлагали царю, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусорманское» [Ерусалимский, с. 68]. Кто именно эти мудрые и разумные, князь не разъясняет, но Иван Грозный среди прочих указывает на Алексея Адашева, в свою очередь, противниками такой «мудрой» политики Курбский называет царских шуринов Данилу и Никиту Романовичей Захарьиных. А. Г. Бахтин относил к сторонникам плана царских родственников «еще нескольких воевод и священников» [Бахтин, с. 135]. В целом же неясность по этому вопросу сохраняется, но важно, что дискуссия о методах послевоенного устройства завоеванных территорий была. Это обстоятельство показывает более сложный характер принятия решений двором первого царя и, ко всему прочему, свидетельствует о том, что сторонники насильственной христианизации отнюдь не составляли большинства в его окружении. Впрочем, ставка, сделанная на местную элиту, оправдала себя не вполне. С конца 1552 г. казанская знать вместе с русскими воинами участвовала в подавлении восстаний «луговых людей». Камай-мирза сражался на территории Арской даруги, направленный казанским воеводой князем М. В. Глинским против мятежных Тугаевых детей. Однако летом 1554 г. ряд представителей казанской знати переходит на сторону восставших [ПСРЛ, т. 13, с. 245]. После этого царское правительство перешло к репрессиям. В 1557 г. новокрещенные были помещены на пустующих землях возле Казани, затем на ханских землях; земли казанских беков тоже поступили в раздачу [Там же, с. 282–283]. Часть же казанской знати была переведена в Новгород. Судьбы этих новых новгородцев еще предстоит изучать, но общий вектор можно проследить на примере жизни Хосров-бека. Новгородские татары составили корпорацию, возглавляемую Хосровом. Они несли совместную службу, военно-учетные документы выделяли их особо. Сохранение исламской идентичности для них, оторванных от родной почвы, оказалось возможным, но затруднительным. Часть переселенцев приняла православие, а часть сохранила

ислам, среди них был и Хосров-бек. Данных, позволяющих говорить о том, что среди этой группы активно насаждали христианство, нет [Моисеев, 2013б, с. 45–46].

Не менее неожиданным образом развивались события в Астрахани после ее присоединения к Русскому государству в 1556 г. Русская администрация в недавно покоренном Хаджи-Тархане попала в эпицентр застарелых местных проблем: это были споры о «тумаках» (оседлом населении), улусах, принадлежности рукавов волжской дельты, о рыбной ловле. Учитывая значительную удаленность от метрополии, воеводам, их аппарату и гарнизону приходилось проявлять недюжинные дипломатические способности и умение, чередовать «кнут» и «пряник».

Материалы ногайских посольских книг дают нам основание утверждать, что в период с 1556 по 1569 г. в делах местного управления заметную роль играла местная знать. Глава Ногайской Орды бий Исмаил неоднократно жаловался Ивану Грозному, что астраханцы ссорят его с воеводой [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 120; Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 4об. – 5, 9, 11, 81–81об., 93]. Он сообщал, что астраханцы нападают на ногайские улусы, кочевавшие по реке Эмбе в западном Казахстане [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 167]. При этом сам бий не знал, делают ли они это по приказу И. Г. Выродкова или по собственному желанию [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 167об.]. Тогда же определился круг лиц, связанных с этой деятельностью: Халк-Аман, Саркочкар, Малтобар и Булкун. Из жалоб ногаев становится ясно, что в Астрахани, выражаясь современными словами, процветала коррупционная схема. Указанные лица после нападения на ногайские улусы делились добычей с толмачами и воеводой, благодаря этому последний «им норовит» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 172об.].

Важно отметить, что Халк-Аман, упоминаемый Исмаилом как едва ли не глава этого астраханского кружка его недоброхотов, являлся его личным представителем при астраханских воеводах, направленным им еще к И. С. Черемисинову [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 192]. В конце 1560 г. царское правительство решительно вмешалось в ситуацию: И. Г. Выродков был смещен с воеводской должности, а Халк-Аман и Молтобар сосланы в Великий Новгород [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 203об. – 204, 205об. – 206об., 207, 210об. – 211].

Однако эти меры не принесли успеха, вместо сосланного Халк-Амана кружок ногаев возглавил Достай-хафиз. Более того, кружок расширился: в него вошли Тиниш-бек, Чалым-оглан, Иванча-бек, Девеш, Девлет-килди, Корьян-бек, Худай-берди [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 217–217об.]. Легко заметить, что его персональный состав полностью обновился, и что произошло с «группой» Халк-Амана, остается неясным. Возможно, их вместе с предводителем тоже сослали, но в связи с отсутствием документальных свидетельств мы не можем сказать ничего определенного.

По мнению ногаев, астраханские воеводы потакали «речам» астраханцев, и именно в этом кроется главная проблема. Так, Урус-мирза писал, что астраханские воеводы «верят астороханским людям» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 38об.], то есть русская администрация в своей деятельности оказалась в определенной зависимости от местного населения.

Меры, принимаемые центральным правительством, очевидно, были малоэффективны. Астраханская знать успешно сопротивлялась притязаниям Исмaила. Ногайский бий был до крайности раздражен и, возможно, напуган ее деятельностью. Он полагал, что астраханцы, находясь под защитой русских, активно пособничают его личным врагам, особенно известному Казыеву улусу. Для нормализации ситуации Исмaил предлагал вывести в метрополию четверых-пятерых астраханских беков, что подорвало бы влияние его противников и привело бы к утере боеспособности Казыева улуса [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 176об., 177–177об.]. Однако это предложение натолкнулось на препятствие. Оказывается, Иван Грозный пообещал местной знати, что «разводу и убивства» не будет. В результате это простое решение оказалось неприемлемым [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 183об. – 184об.].

В целом мы можем утверждать, что в Астрахани того времени существовала группа, представлявшая интересы местного населения перед воеводами. Стоит отметить, что она прошла определенную эволюцию. Первоначально группировку противников Исмaила в Астрахани составляли его же представители, прикрепленные к первому воеводе И. С. Черемисинову. После их ссылки на авансцену вышла местная элита. Старая знать сумела отстоять интересы астраханцев не только перед воеводами, но и перед Исмaилом. Более того, под влиянием местной элиты русские воеводы последовательно защищали территориальные интересы астраханцев и одновременно с этим попустительствовали противоправным действиям новых подданных.

Астраханские власти в конфликте между ногаями Исмaил-бия и местного населения неизменно оказывались на стороне последнего. Подобная ситуация имела место и позднее, во время русского освоения Сибири. Такая позиция представителей царских властей на местах легко объяснима: для сохранения своего влияния на приобретенных территориях царские власти шли на определенные уступки местной знати. Создавалось известное двоевластие, которое при определенных условиях могло привести к иллюзии собственной силы у местной знати и спровоцировать выступление против царской власти. Это и произошло в Астрахани в 1569 г., когда именно астраханская знать вступила в связь с турками и попыталась добиться независимости от России [Садиков, с. 165]. Как известно, эта попытка окончилась провалом. Иван Грозный больше не был связан обещанием не допускать «розводу и убивства» местной знати, и ее представители были сосланы в Новгородчину (землевладение астраханских

татар, высланных с родины, регистрируется в Отдельной книге Удомельской волости по отделу подъячего Василия Коломенского (в 7080 году) [см.: Самоквасов, с. 190, 191, 193, 194 и др.]).

В данном контексте очевидно, что русские власти не принимали активных шагов по христианизации региона. В Астрахани и ее округе сохранялись мечети, исламская культура. В частности, в материалах Посольского приказа сохранилось важное упоминание мечети, расположенной неподалеку от Астрахани, связанное с историей жизни Мурад-Гирея: «И ноября в 12 день был, государь, у царевича праздник, и царевич ездил к мечети молитца, а мечеть от города менши полуверсты...» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1586 г.) Л. 27; Зайцев, 2004, с. 183–202]. Вялость русских в деле крещения татар вызвала резкую критику Энтони Дженкинсона [Дженкинсон, с. 207]. Однако надо признать, что контакты с единоверцами, проживавшими за пределами Русского государства, и совершение хаджа значительно затруднялись по многим объективным причинам [Трепавлов, 2011, с. 24–33].

Сходным образом развивалась ситуация и в завоеванном Сибирском ханстве. Русские власти сосредоточились на «охоте» за Чингизидами, стремясь взять под свой контроль максимальное их число. В 1582 г. попал в плен племянник Кучума Мухаммед-Кул, позднее к нему выехали жена (в 1586–1587 г.) и мать (в 1595 или 1596 г.). В 1591 г. был пленен сын Кучума Абул-Хайр, 20 августа 1598 г. русские захватили большую группу жен, детей и внуков Кучума [Беляков, 2011а, с. 67–68]. Такое пристальное внимание к родственникам Кучума понятно, так как и он и его потомки на долгие годы станут центром притяжения для сил сопротивления царской власти [Трепавлов, 2012]. Однако даже в этой ситуации власти отнюдь не спешили христианизировать этих опасных претендентов. Это, к примеру, подтверждает исследование Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябиной о повседневной жизни плененных Кучумовичей в 1598–1599 гг. [Маслюженко, Рябина, с. 75–93]. Интересно, что из всей этой массы только Абул-Хайр принял православие 23 сентября 1599 г. [Беляков, 2011а, с. 85]. Не заметно особой активности в деле христианизации и собственно населения покоренного Сибирского ханства. А. Ю. Конев, анализируя указы церковным иерархам, указывает на тот факт, что принцип добровольности при принятии православия в конфессиональной политике Российского царства отмечается уже с середины XVI в. Более того, автор указывает на практику отселения новокрещенов в русские слободы, дабы они не возвращались под влиянием соседей обратно в ислам [Конев, с. 103]. Сама по себе политика христианизации в Западной Сибири имела скромные результаты. Так, в конце 20–30-х гг. XVII в. среди татар новокрещенов насчитывалось 530 человек обоего пола [см.: Конев, с. 104]. Таким образом, и на территории покоренного Сибирского ханства московские власти воздерживались от политики бескомпромиссной христианизации местного населения.

Другим значительным пластом информации посольских книг являются данные об эмиграции (временной и постоянной), ссылке и плене татар. Причем если обстоятельства выезда, пленения и ссылки татарской знати, прежде всего Чингизидов [Беляков, 2011а] и Эдегеивечей [Трепавлов, 2003, с. 320–353], уже нашли свое отражение в современной науке, то те же явления для иных социальных страт пока не изучены. Однако анализ данных посольских книг позволяет сделать следующие наблюдения. Во-первых, очевидно, что в Ногайской Орде имели хотя и не полную, но все же достаточную информацию о своих плененных соплеменниках. Во-вторых, и для эмигрантов, и для ссыльных, и даже для пленных сохранялась возможность вернуться домой, хотя и не все ею пользовались. В-третьих, в Москве проводились проверки, на основании которых ногай мог быть отпущен в степь. В этом контексте примечательна история Гирея, слуги Дин-Ахмеда. Он ездил в Крымское ханство с торгом, оттуда попал в Литву, после чего оказался в русском плену [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 182об.]. По результатам проверки в освобождении ему было отказано, так как Гирей «служил» польскому королю [Там же. Л. 190]. Однако Гирей настойчиво продолжал обращаться по поводу своего освобождения. Его господин отводил от него обвинение в службе полякам, утверждая, что его слуга бежал из Литвы, а не участвовал в боевых действиях на ее стороне [Там же. Л. 228]. Интересно, что подобная настойчивость была обыкновенной практикой для ногайской стороны в вопросе об освобождении своих соотечественников. В этом смысле показательна история борьбы за Аигилди. Еще в 1561 г. ногайская сторона обратилась к царю Ивану Грозному с просьбой отпустить его, уточнив его происхождение (он был сыном имлдеша Тагиекши) [Там же. Л. 6об.], а также обстоятельства пленения [Там же. Л. 10]. Русские власти, как и ожидалось, его не разыскали, и тогда ногайские власти уточнили, что его знает Тягри-бердикипчак [РГАДА Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 180об. – 181]. Ответ вновь был неутешителен: «не сыскали» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 188]. Тогда ногаи самостоятельно выяснили судьбу пленника: как оказалось, он содержался у толмача Карача, проживавшего у Ивана Шереметева [Там же. Л. 215].

Приведенная история вызывает два вопроса: чем объясняется такая настойчивость ногайского бия и каким образом осуществлялся сбор информации о судьбе ногайских полоняников. Ответ на первый вопрос ясен. Это иллюстрирует казус 1551 г., когда после неудачного набега Арслан-мирзы родственники плененных ногаев осаждали русского посла П. Д. Тургенева, высказывая обеспокоенность судьбой пленных [Посольские книги, с. 54]. Исмаил, правитель (бий) Ногайской Орды, при посещении дипломата просил освободить нескольких ногаев и отдать ему: «...царь и великий князь пожаловал, дал мне тех татар человек пять или шесть, которые приходили с Арслан мирзою, чтоб деи мне не сором перед моими племянники...» [Там же, с. 58]. Указанные факты

свидетельствуют в пользу того, что настойчивая забота ногайской знати во многом диктовалась давлением родни пленников. Очевидно, для поддержания своего авторитета бию и мирзам приходилось добиваться освобождения плененных степняков. Сбор информации о них осуществлялся ногайскими ордобазарцами в России и, как было показано выше, мог быть довольно подробным. Впрочем, степень подробности собранных сведений не стоит преувеличивать. Например, в 1577 г. о двух пленниках, находившихся в Москве у Михаила Срывкова, знали лишь, что «один грамоте умеет, а другово в ухе и носе по колцу» [См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 72]. Все это позволяет предположить, что эта информация довольно адекватно отражала судьбы ногаев в плену. В степи знали, где, у кого содержатся их несчастные земляки и, что немаловажно, в каких религиозных условиях. Интересно, что случай со сменой веры, причем насильственной, в данной выборке был зафиксирован единожды. Не повезло сыну Кул-сейида, насильно крещенному своим хозяином Иваном Черемисиновым [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 217], позднее (около 1577 г.) фиксируется еще один случай насильственного крещения [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 43] (крестили ногай по имени Кутуй). Однако подобная информация встречается довольно редко. В целом же выяснение судьбы пленных татар представляется сложной задачей. В контексте религиозного сосуществования обращают на себя внимание факты, содержащиеся в духовных и деловых грамотах. Так, в них есть указания на обращение в православие: «Караул новокрещен нагайского полону» [Акты служилых землевладельцев, т. 2, с. 333, № 387]. Иногда в актах встречается определение «крепостной басурман», и хотя значение такого словоупотребления представляется не до конца ясным, все-таки можно предположить, что таким образом фиксировалась мусульманская идентичность крепостного [Там же, т. 1, с. 242, № 268].

Необходимо отметить, что плененные ногаи нередко содержались у единоверцев (Яндевлет жила у казанца Дервиша, «безымянный паробок» – у астраханца Кулчуры-улана и т. д.), что позволяло им сохранять свою веру в неприкосновенности.

Таким образом, посольские книги фиксируют различные моменты из истории православно-мусульманских отношений XVI в. При чем уникальность их данных во многом зиждется на удивительном сочетании фактов вертикальных и горизонтальных взаимодействий. Приведенные факты со всей очевидностью вскрывают картину, далекую от однозначной интерпретации. Во-первых, мы видим, что государство утверждало принцип неприкосновенности мусульманской идентичности для своих подданных. Воеводские власти, например в Астрахани, воздерживались от силового давления на местные элитные группы. Их безопасность была гарантирована царем: «от нас розводу и убивства не боялись». Очевидно, что само управление покоренным краем было далеко от авторитарного центристского стиля, которого логично было бы ожидать от администрации Ивана Грозного.

Во-вторых, представители мусульманских стран имели право свободного отъезда, и оно реализовывалось на практике. В-третьих, масса данных о пленных ногай позволяет говорить о сохранении ими исламского вероисповедания. В-четвертых, безразличие русских к идее крещения мусульман фиксировалось иностранцами. Таким образом, мы можем считать, что Россия в XVI столетии была терпима к исламу. Однако есть и группа других фактов. Во-первых, это казанская ситуация, когда все-таки ставка делалась на более жесткий сценарий. Во-вторых, имеются факты (хотя и редкие) насильственного крещения пленными мусульман. Все это не позволяет безоговорочно согласиться с допущением идеи веротерпимости к исламу в Московском царстве.

По всей видимости, корни такого своеобразного отношения надо искать в Византии. Так, например, протопресвитер Иоанн Мейндорф отмечал отсутствие в империи планомерного и организованного миссионерства, подчеркивая ее спонтанный характер [Мейндорф, с. 166]. Современные исследователи отмечают ситуативную толерантность византийского мира к мусульманам при сохранении общего вектора на итоговое обращение их в православие. В общих чертах эта схема повторялась и в Московской Руси: мы можем вести речь не о целенаправленной миссии, а скорее об индивидуальном рвении. Вероятнее всего, определяя политику Московского государства XVI столетия по мусульманскому вопросу, мы должны говорить не столько о веротерпимости, сколько о прагматизме и в определенной степени о равнодушии к религиозным проблемам. Главный тренд в политической практике может быть сформулирован так: сохранение мусульманской идентичности возможно до тех пор, пока это не угрожает государственной безопасности. Как только баланс религиозной свободы и подданства нарушен, то наказание неотвратимо. Причем в содержание репрессий входили не только казни, а чаще всего ссылка и крещение иноверцев. Именно поэтому говорить о политике веротерпимости все-таки не приходится.

Список литературы

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. Т. 1. М. : Археограф. центр, 1997. 432 с.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. Т. 2. М. : Памятники историч. мысли, 1998. 608 с.
- Асадуллин Ф. А. Ислам в Москве. М. : Логос, 2007. 128 с.
- Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола : Марийский полиграфич.-изд. комбинат, 1998. 191 с.
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : Просопографическое исследование. Рязань : Мир, 2011а. 512 с.
- Беляков А. В. Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII вв. // Российская история. 2011б. № 1. С. 107–115.
- Варьяш И. И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М. : УРСС, 2001. 188 с.
- Волкова Е. Ю. Характер влияния европейской культуры на аборигенную культуру индейцев Южной Америки в XVI веке // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2013а. № 3. С. 39–50.

Волкова Е. Ю. Католическая церковь в вице-королевстве Перу: этапы и специфика процесса христианизации аборигенного населения Южной Америки в XVI веке // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2013б. № 4. С. 57–65.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия. М. : Арт-Волхонка, 2011. Т. 1. С. 452–455.

Главацкая Е. М. «...И смехотворения, и безчинства никакого не чинили»: из опыта религиозной терпимости в Северо-Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 26–35.

Главацкая Е. М. «...И Сибирскому государству какого повреждения не учинить...» : (Власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв.) // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. С. 75–83.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань : Александрия, 2007. С. 201–231.

Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского : в 2 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Знак, 2009. Т. 2. Исследование книжной культуры. 536 с.

Зайцев И. В. Ислам и христианство в Нижнем Поволжье в XV–XVII вв. // Сборник Русского исторического общества / под редакцией Д. Ю. Арапова. М. : Рус. панорама, 2003. Т. 7. С. 58–77.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М. : Вост. лит., 2004. 303 с.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники : Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.

Исхаков Д. М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань : Фэн, 2011. 225 с.

Клюева В. П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.) : проблемы взаимодействия // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-klu.htm> (дата обращения: 27.10.2015).

Конев А. Ю. Правовые аспекты конфессиональной политики в отношении народов Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. 3. С. 101–107.

Куницевиц Г. З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 130. Отчеты о заседаниях императорского общества любителей древней письменности в 1897–1898 году с приложениями. СПб. : Б. и., 1898.

Макарий, арх. (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI века. М. : Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 317 с.

Макаров Д. М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья: XVI–XVIII вв. : монография. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2000. 280 с.

Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 75–93.

Мейендорф И., прот. Единство империи и разделения христиан : Церковь в 450–680 годах. М. : Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2012. 520 с.

Моисеев М. В. Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках : сб. материалов конф. 2002–2004 гг. / под ред. А. К. Левыкина. М. : Древлехранилище, 2006. С. 484–504.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013а. С. 20–30.

Моисеев М. В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в. : Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы : материалы междунар. науч. семинара. СПб. : НИУ ВШЭ, 2013б. С. 43–46.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. М. : Наука, 1993. 430 с.

- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. : Публикация текста / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань : Татарар. книж. изд-во, 2006. 391 с.
- Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.) : Очерки истории. Казань : Татар. книж. изд-во, 2009. 207 с.
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 5.
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6.
- РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. 1586 г. Д. 1.
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 8.
- Рязанова С. В. Межкультурные отношения и эпоху Средневековья: христианство и ислам // В круге культуры : сборник научных статей по проблемам культуры, посвященный памяти В. Л. Соболева. Пермь, 2003. С. 16–23.
- Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. Вып. 22. С. 132–166.
- Самокасов Д. Я. Архивный материал : в 2 т. М. : Б. и., 1905–1909. Т. 2. Новоткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М. : Б. и., 1909. 590 с.
- Ткалич А. И. Становление межэтнических отношений на Крайнем Северо-Востоке Сибири и крещение коренного населения (XVII – начало XX в.) // Вестн. МГТУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2012. № 2. С. 14–22.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Вост. лит., 2002. 752 с.
- Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник 2002 : Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 320–353.
- Трепавлов В. В. Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII–XVII вв. // Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии : избр. тр. Казань : Фолиант, 2011. С. 24–33.
- Трепавлов В. В. Тюрки на православном Понте после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
- Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Тр. ист.-археогр. ин-та и Ин-та востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л. 1932. С. 61–86.
- Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2006. 569 с.
- Шукуров Р. М. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в Средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 68–103.
- Шукуров Р. М. Имя и власть на Византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления : Очерки из истории культуры Средиземноморья. М. : Алетей, 1999. С. 194–234.
- Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб. : Алетей, 2001. 448 с.
- Шукуров Р. М. Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в Средние века. М. : Алетей, 2005. Вып. 6. С. 214–233.
- Шукуров Р. М. Россия, Византия и чужаки // Рос. история. 2013. № 3. С. 30–34.
- Huttenbach H. R. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–56 : The Conquest of the Volga: Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion to 1917. L. ; N. Y., 1988.

References

- Antonov, A. V. (Comp.). (1997). *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. Vol. 1. 432 p. Moscow, Arkheograficheskoy tsentr.
- Antonov, A. V. (Comp.). (1998). *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Landed Servicemen of the 15th – Early 17th Centuries]. Vol. 2. 608 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Asadullin, F. A. (2007). *Islam v Moskve* [Islam in Moscow]. 128 p. Moscow, Logos.

Bakhtin, A. G. (1998). *XV–XVI veka v istorii Mariyskogo kraya* [The 15th – 16th Centuries in the History of Mari District]. 191 p. Yoshkar-Ola, Mariysky poligraficheskoy izdatel'skiy kombinat.

Belyakov, A. V. (2011). *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov : Prosopograficheskoe issledovanie* [Genghisids in 15th – 16th Centuries Russia : A Prosopographical Study]. 512 p. Ryazan, Mir.

Belyakov, A. V. (2011). Kreshchenie sluzhilykh Chingisidov v Rossii XVI–XVII vv. [The Genghisid Servicemen's Conversion to Christianity in 16th – 17th Centuries Russia]. In *Rossiyskaya istoriya*, 1, pp. 107–115.

Jenkinson, A. (2007). Puteshestvie v Srednyuyu Aziyu 1558–1560 gg. [A Journey to Central Asia between 1558 and 1560]. In *Angliyskie putesthestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* (pp. 201–231). Ryazan, Aleksandriya.

Erusalimsky, K. Yu. & Shmidt, S. O. (Ed.). (2009). *Сборник Курбского: Исследование книжной культуры Sbornik Kurbskogo : v 2 t.* [Kurbsky's Literary Collection: A Study of Russian Book Culture, 2 Volumes]. Vol. 2. Issledovanie knizhnoy kul'tury. 536 p. Moscow, Znak.

Chuloshnikov, A. (1932). *Torgovlya Moskovskogo gosudarstva s Sredney Aziei v XVI–XVII vv.* [Trade between Muscovy and Central Asia between the 16th and 17th Centuries]. In *Trudy istoriko-arkheograficheskogo instituta i instituta Vostokovedeniya. Materialy po istorii SSSR*. Iss. 3. *Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenskoy SSR*. Ch. 1. *Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Sredney Azii v XVI–XVIII vv.* (pp. 61–86). Leningrad.

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. & Koval', V. Yu. (2011). *Berestyanaya gramota iz raskopok v Moskovskom Kreml'e* [A Birch Bark Manuscript Found during Excavations in the Moscow Kremlin]. In *Moskovskiy Kreml' XV stoletiya*. Vol. 1, pp. 452–455. Moscow, Art-Volkhonka.

Glavatskaya, E. M. (2003). “...I smekhotvoreniya, i bezchinstva nikakogo ne chinili”: iz opyta religioznoy terpimosti v Severo-Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XVIII v. [“...And No Ridiculousness, and No Rowdiness Was Made”: Religious Tolerance in North-Western Siberia between the 17th and Early 18th Centuries]. In *Ural'skiy sbornik : Istoriya. Kul'tura. Religiya*. Iss. 5, pp. 26–35. Yekaterinburg.

Glavatskaya, E. M. (2004). “...I Sibirskomu gosudarstvu kakogo povrezhdeniya ne uchinit'...” : (Vlast' i missiонерство v Severo-Zapadnoy Sibiri v XVII–XIX vv.) [“...And No Harm Shall Be Done to the State of Siberia...” : (Authority and Missionary Work in North-Western Siberia between the 17th and 19th Centuries)]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 31, pp. 75–83.

Huttenbach, H. R. (1988). Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–56 : The Conquest of the Volga: Prelude to Empire. In *Russian Colonial Expansion to 1917*. London, N. Y.

Iskhakov, D. M. (2011). *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Institute of Sayyids in Ulus of Jochi and the Late Golden Horde of Turkic Tatar States]. 225 p. Kazan, Fen.

Klyueva, V. P. (2005). *Pravoslaviye i islam v Zapadnoy Sibiri (konets XVII – seredina XVIII vv.): problemy vzaimodeystviya* [Orthodoxy and Islam in Eastern Siberia (Late 17th – mid-18th Centuries)]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 5. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-klu.htm> (mode of access: 27.10.2015).

Konev, A. Yu. (2013). *Pravovye aspekty konfessional'noy politiki v otnoshenii narodov Sibiri v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Legal Aspects of Confessional Policy in Relation to Siberian Peoples in the Late 16th – Early 18th Centuries]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie : Voprosy teorii i praktiki* (v 3 ch.), 12 (38), Part 3, pp. 101–107. Tambov, Gramota.

Kuntsevich, G. Z. (1898). *Dva rasskaza o pokhodakh tsarya Ivana Vasil'evicha Groznago na Kazan' v 1550 i 1552 godakh* [Two Stories about Ivan the Terrible's Kazan Campaigns of 1550 and 1552]. In *Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva*. Iss. 130. *Otchety o zasedaniyakh imperatorskogo obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti v 1897–1898 godu s prilozheniyami*. Sankt Petersburg.

Lur'e, Ya. S. & Rykov, Yu. D. (Comp.). (1993). *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky]. 430 p. Moscow, Nauka.

Makary, arkh. (Veretennikov). (2006). *Iz istorii russkoy ierarkhii XVI veka* [From the History of the Russian Hierarchy of the 16th Century]. 317 p. Moscow, Podvor'e Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry.

Makarov, D. M. (2000). *Samoderzhavie i khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya: XVI–XVIII vv.: monografiya* [Autocracy and the Christianization of the Middle Volga Peoples: 16th – 18th Centuries]. 280 p. Cheboksary, Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta.

Maslyuzhenko, D. N. & Ryabinina, E. A. (2011). *Osobennosti povsednevnoy zhizni plennykh Kuchumovichey v Moskovskom gosudarstve osen'yu 1598 – zimoy 1599 g.* [The Daily Life of Kuchum Khan's Descendants in Captivity in Muskovy between Autumn 1598 and Winter 1599]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. Iss. 3, pp. 75–93. Kazan.

Meyendorf, I., prot. (2012). *Edinstvo imperii i razdeleniya khristian: Tserkov' v 450 – 680 godakh* [Imperial Unity And Separations of Christians. The Church between 450 and 680]. 520 p. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet.

Moiseev, M. V. (2006). *Iyezd "tatar" i vostochnaya politika Rossii v XVI veke* [The "Departure" of Tatars and Russian Policy in the East in the 16th Century]. In Levykin, A. K. (Ed.) *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: sbornik materialov konferentsiy 2002–2004 gg.* (pp. 484–504). Moscow, Drevlekhranilishche.

Moiseev, M. V. (2013). *Politicheskaya bor'ba kazanskoy znati: istoriografiya i russkie istochniki* [The Political Struggle of Kazan Noblemen: Historiography and Russian Sources]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva: sbornik statey*. Iss. 5. *Voprosy istochnikovedeniya i istoriografiya istorii srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv* (pp. 20–30). Kazan.

Moiseev, M. V. (2013). *Predstaviteli politicheskikh elit pokorenykh tatarskikh khanstv v Rossii vtoroy poloviny XVI v.: Khosrov-bek* [Representatives of Political Elites of the Conquered Tatar Khanates in Russia in the 2nd ½ of the 16th Century: Khosrov-bek]. In *Istoricheskie biografi v kontekste regional'nykh i impereskikh granits Severnoy Evropy: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* (pp. 43–46). Sankt Petersburg, NIU VShE.

Mustafina, D. A. & Trepavlov, V. V. (Comp.). (2006). *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.: Publikatsiya teksta* [Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. 391 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [A Complete Collection of Russian Chronicles]. (2000). Vol. 13. 544 p. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

Rakhimzyanov, B. R. (2009). *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.): Ocherki istorii* [Qasim Khanate (1445–1552): Historical Essays]. 207 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 127 (*Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami*). List 1. Book 5.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 127 (*Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami*). List 1. Book 6.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 123 (*Snosheniya Rossii s Krymom*). List 1. 1586 g. Dossier 1.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 127 (*Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami*). List 1. Book 8.

Ryazanova, S. V. (2003). *Mezhkul'turnye otnosheniya I V epokhu Srednevekov'ya: khristianstvo i islam* [Intercultural Relations in the Middle Ages: Christianity and Islam]. In *V krug kul'tury: sbornik nauchnykh statey po problemam kul'tury, posvyashchenny pamyati V. L. Soboleva* (pp. 16–23). Perm.

Sadikov, P. A. (1947). *Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g.* [The Tatars and Turks' March on Astrakhan in 1569]. In *Istoricheskie zapiski*. Iss. 22, pp. 132–166. Moscow.

Samokvasov, D. Ya. (1909). *Arkhivnyy material: v 2 t.* [Archive Material: 2 Volumes]. Vol. 2. *Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnyykh uchrezhdeniy Moskovskogo tsarstva*. 590 p. Moscow, B. i.

Tkalich, A. I. (2012). *Stanovlenie mezhetnicheskikh otnosheniy na Kraynem Severo-Vostoche Sibiri i kreshchenie korennoho naseleniya (XVII – nachalo XX v.)* [The Formation of Interethnic Relations in the Extreme Northeast of Siberia and Indigenous Population Conversion to Christianity (17th – Early 20th Centuries)]. In *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokho-va. Ser. Istoriya i politologiya*, 2, pp. 14–22.

Trepavlov, V. V. (2002). *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [The History of the Nogai Horde]. 752 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Trepavlov, V. V. (2003). *Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya)* [Russian Princely Families of Nogai Origin (Genealogy Sources and Early History)]. In *Tyurkologichesky sbornik 2002 : Rossiya i tyurkskiy mir* (pp. 320–353). Moscow.

Trepavlov, V. V. (2011). *Khadzh iz Desht-i Kipchaka v XIII–XVII vv.* [A Hajj from Desht-i Qipchaq between the 13th and 17th Centuries]. In *Trepavlov, V. V. Tyurkskie narody srednevekovoy Evrazii : izbrannye Trudy* (pp. 24–33). Kazan, Foliant.

Trepavlov, V. V. (2012). *Sibirskiy yurt posle Ermaka : Kuchum i Kuchumovichy v bor'be za revansh* [The Khanate of Sibir after Yermak: Kuchum Khan and His Descendants Struggling for Revenge]. 231 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Shaposhnik, V. V. (2006). *Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v Rossii v 30–80-e gody XVI veka* [Church-State Relations in Russia between the 1520s and 1580s]. 569 p. Sankt Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Shukurov, R. M. (1995). *Tyurki na pravoslavnom Ponto v XIII–XV vv.: nachal'nyy etap tyurkizatsii?* [Turks in Byzantine Pontus between the 13th and 15th Centuries: The Beginning of Turkization?]. In *Prichernomor'e v Srednie veka*. Iss. 2, pp. 68–103. Moscow.

Shukurov, R. M. (1999). *Imya i vlast' na Vizantiyskom Ponto (chuzhoe, prinyatoye za svoe)* [The Name and Power in Byzantine Pontus (the Unfamiliar Mistaken for the Familiar)]. In *Chuzhoe: opyty preodoleniya : Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya* (pp. 194–234). Moscow.

Shukurov, R. M. (2001). *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)* [The Grand Komnenoi and the East]. 448 p. Sankt Petersburg, Aleteyya.

Shukurov, R. M. (2005). *Kripto-musul'mane Anatolii* [Anatolian Crypto-Muslims]. In *Prichernomor'e v Srednie veka*. Iss. 6, pp. 214–233. Moscow.

Shukurov, R. M. (2013). *Rossiia, Vizantiia i chuzhaki* [Russian, Byzantium and Strangers]. In *Rossiyskaya istoriya*, 3, pp. 30–34.

Var'yash, I. I. (2001). *Pravovoe prostranstvo islama v khristianskoy Ispanii XIII–XV vv.* [Islamic Legal Framework in Christian Spain between the 13th and 15th Centuries]. 188 p. Moscow, URSS.

Volkova, E. Yu. (2013). *Kharakter vliyaniya evropeyskoy kul'tury na aborigennuyu kul'turu indeytsev Yuzhnoy Ameriki v XVI veke* [The Nature of European Cultural Influence on the Aboriginal Culture of the Indians of South America in the 16th Century]. In *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Ser. Istoriya i politologiya*, 3, pp. 39–50.

Volkova, E. Yu. (2013). *Katolicheskaya tserkov' v vitse-korolevstve Peru: etapy i spetsifika protsessa khristianizatsii aborigennogo naseleniya Yuzhnoy Ameriki v XVI veke* [The Catholic Church in the Viceroyalty of Peru: Stages and Specificity of the Process of the Native Population of South America's Conversion to Christianity in the 16th Century]. In *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova. Ser. Istoriya i politologiya*, 4, pp. 57–65.

Zaytsev, I. V. (2003). *Islam i khristianstvo v Nizhnem Povolzh'e v XV–XVII vv.* [Islam and Christianity in the Low Volga Region between the 15th and 17th Centuries]. In Arapov, D. Yu. (Ed.) *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 7, pp. 58–77. Moscow, Russkaya panorama.

Zaytsev, I. V. (2004). *Astrakhanskoe khanstvo* [The Khanate of Astrakhan]. 303 p. Moscow, Vostochnaya literatura.

Zimin, A. A. (1958). *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki : Ocherki po istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XVI veka* [I. S. Peresvetov and His Contemporaries: Essays on the History of Russian Social and Political Beliefs of the mid-16th Century]. 498 p. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.

The article was submitted on 28.10.2015